

Шарлотта Бронте — выдающаяся английская писательница, стилю которой присуще то, что Гете называл «секретом гения». Ее первый роман «Учитель» был опубликован уже после смерти автора, зато «Джен Эйр», ставшая настоящим каноном романтической литературы, увековечила имя Шарлотты Бронте при жизни. На сегодняшний день этот роман выдержал 9 кино- и телеэкранизаций.

— Боже Великий! Какой обман чувств играет со мной? Какое сладкое безумие охватило меня?

— Никакого обмана чувств, никакого безумия. Ваш ум слишком могуч, чтобы поддасться обману, и слишком здоров, чтобы уступить безумию.

— Но где та, что говорит? Или это бестелесный голос? Да, увидеть я не могу, но я должен прикоснуться, иначе у меня разорвется сердце и разрушится мозг! Кем бы, чем бы ты ни была, дай коснуться себя, или я умру!

Он протянул руку, я перехватила ее и сжала в моих обеих.

— Ее пальцы! — вскричал он. — Ее нежные тонкие пальчики! А раз так, то здесь и она сама.

Сильная рука вырвалась из плена, схватила меня за локоть, за плечо, обвила мне шею, талию и привлекла к его груди.

— Это Джен? Кто... что это? Ее фигура, ее рост...

— И ее голос, — добавила я. — Она вся здесь. Как и ее сердце.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-2070-1

9 785991 020701

www.bookclub.ua

ISBN 978-966-14-3870-4

9 789661 438704

Шарлотта
Бронте

ДЖЕН ЭЙР
УЧИТЕЛЬ·ЭШВОРТ

Шарлотта Бронте

ДЖЕН ЭЙР
УЧИТЕЛЬ·ЭШВОРТ

Шарлотта Бронте

Джен Эйр
Учитель
Эшворт

Jane Eyre
The Professor
Ashworth

Charlotte Brontë

ИЗДАТЕЛЬСТВО

КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков Белгород

2012

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ
Б88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского:
«Jane Eyre», «The Professor», «Ashworth», «The Juvenilia»
by Charlotte Brontë

Переводчики:
И. Г. Гурова, Н. П. Флейшман, М. П. Тугушева, А. Вироховский

В оформлении обложки использована
картина Джона Сингера Сарджента «В саду, Корфу»

Художник *Наталья Лях*

ISBN 978-966-14-3870-4 (Украина)
ISBN 978-5-9910-2070-1 (Россия)

- © Jane Eyre. Гурова И. Г., перевод на русский язык, 2012
- © The Professor. Флейшман Н. П., перевод на русский язык, 2012
- © Ashworth. Тугушева М. П., перевод на русский язык, 2012
- © Тугушева М. П., предисловие, 2012
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2012
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012
- © ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», г. Белгород, 2012

«Мужайся, Шарлотта, мужайся...»

Она родилась 21 апреля 1816 года. Ей исполнилось четыре, когда отец, пастор Патрик Бронте, получил назначение в этот глухой йоркширский приход. Сейчас Хауорт — всемирно известный Мемориальный Центр. Ежегодно на общее собрание и поминальную службу из разных стран сюда приезжают члены Общества Бронте и многочисленные туристы. Большинство сразу устремляется в церковь Св. Михаила Архангела, где под каменными плитами покоится почти вся пасторская семья.

Скорбный перечень открывает мать семейства, Мария Бронте. Далее следуют имена детей: Мария, Элизабет, Патрик Брэнвелл, Эмили Джен, Шарлотта и завершает его *pater familias*¹.

Из церкви, через мрачное кладбище, посетители направляются в скромный пасторский дом. В столовой — два прекрасных портрета, Шарлотты Бронте и ее любимого писателя Уильяма Теккерея. Наверху — спальни. В одной из них — серо-зеленое платье с узкой талией и широкой юбкой, неправдоподобно маленькие черные туфли.

...Эгоистичный и властный, пастор Бронте иногда задумывался о будущем дочерей. Если они не выйдут замуж, им придется работать учительницами или гувернантками. Значит, девочки должны получить необходимое образование, и он отправляет трех старших в благотворительную школу, где голод, холод и жестокое обращение довели Марию и Элизабет до скоротечной чахотки. После их смерти Патрик Бронте предусмотрительно отдает Шарлотту в более гуманное учебное заведение. Здесь она провела полтора года и научилась всему, что в те времена требовалось от гувернантки, а это — знание грамматики, арифметики, французского языка и умение

¹ Отец семейства (лат.).

вышивать. Дома Шарлотту ждали Эмили и Анна, готовые учиться, когда не пребывали в своей фантастической стране Гондал, о которой они слагали стихи и саги.

У Шарлотты и Брэнуэлла тоже была страна грез, Ангрия¹, где совершал геройские и коварные деяния воинственный и неотразимый герцог Заморна, настоящий байронический герой. Вдохновляло и творчество Вальтера Скотта. Так, под влиянием его романа «Черный карлик» Шарлотта сочиняет новеллу «Зеленый гном», используя прием иронического контраста: если «черный карлик» — благодетель, то «гном» — предатель и злодей.

Все это были увлекательные литературные игры, но... пришло письмо от школьной учительницы. Она предлагала Шарлотте должность помощницы и, в счет части жалованья, обучение Эмили. Они согласились, но Эмили вскоре затосковала по родным холмам и долинам, и ее место заняла Анна.

Все это время Шарлотта сочиняла стихи, которые однажды решила послать на суд знаменитому поэту Роберту Саути. Тот был суров: «Литература не может и не должна быть уделом женщины», — внушает он в ответном письме, хотя стихи ему понравились. По счастью, Шарлотта не вняла «приговору» поэта-лауреата. Она мечтала о литературном труде. Заморна уже не владел ее помыслами, но в одном она оставалась ему верна: ее будущий избранник тоже должен быть непредсказуем, смел и обаятелен. Когда Генри Насси, брат ее школьной подруги Эллен, сделал Шарлотте предложение, она его отвергла — уж очень Генри был прозаичен, а главное, совсем не знал ту, на ком хотел жениться, и, отказывая, она набрасывает в письме свой «портрет»:

«Я не та серьезная, солидная, рассудительная особа, какой вы меня представляете. Я бы показалась вам романтически настроенной и эксцентричной, вы нашли бы меня язвительной и резкой... Я презираю обман и никогда ради того, чтобы обрести почтенное положение замужней дамы и избежать клей-

¹ От англ. слова «angry» — т. е. «сердитая», «разгневанная».

ма старой девы, не выйду за достойного человека, раз не смогу сделать его счастливым...»

Письмо было честно и мужественно. Ей должно было исполниться двадцать три — возраст по викторианским понятиям критический, когда полагается быть «устроенной», а Шарлотта отказывалась от обеспеченного материального положения, не имея в перспективе ничего, кроме изматывающих обязанностей гувернантки или учительницы, от которых она успела «вкусить» вполне, но работать было необходимо, и она снова идет в «наемницы», и опять изнурительный труд не оставляет ей ни минуты досуга, а она уже начала свой первый (увы — неоконченный) роман «Эшворт». И однажды ее осенило: что, если сестры Бронте откроют в Хауорте собственную школу? Тогда придет конец зависимости от чужой воли, но для этого надо еще поучиться, например как следует овладеть французским языком. Так Шарлотта и Эмили оказались в Брюсселе, в пансионе супругов Эгер. Эмили через полгода вернулась в Хауорт, Шарлотта осталась.

Рано утром, до занятий, она гуляла в прекрасном саду пансиона, где нередко встречала Эгера, подстригавшего кусты роз. Он давал ей уроки литературы и французского языка, она учила его английскому. Иногда он дарил ей книги, и эти знаки внимания стали для Шарлотты началом неизведанных и пленительных отношений. Она полюбила своего Учителя, и это насторожило «мосье» и «мадам». Эгер стал ее избегать. Постепенно прекратились уроки литературы, затем английского. С каждым днем она чувствовала себя все более одинокой и несчастной и в январе 1844 года вернулась в Хауорт.

Сначала Шарлотта надеялась продлить отношения перепиской:

«...Я не прошу Вас писать мне часто... Как только я заработаю достаточно денег, я приеду и опять, хотя бы на мгновение, встречу с Вами...»

«...Мосье, беднякам немного нужно для пропитания, они просят только крошек, что падают со стола богачей, но если их лишат этих крох, они умрут с голода...»

Джен Эйр

*У. Теккерею, эсквайру,
с глубочайшим уважением
посвящает автор эту книгу*

Предисловие автора

В предисловии к первому изданию «Джен Эйр» нужды не было, и мне не пришлось его писать. Но это, второе, издание требует нескольких вступительных слов благодарности и кое-каких пояснений.

Благодарность мне должно принести:

Во-первых, Публике — за снисходительность, с какой она склонила слух к незатейливой повести, ничем особо не блистающей;

Во-вторых, Печати — за благожелательную и беспристрастную поддержку, дарованную безвестному неофиту;

В-третьих, моим Издателям — за помощь, какую их тактичность, их энергия, их практический опыт и доброжелательность оказали неведомому и никем не рекомендованному Автору.

Печать и Публика для меня лишь неопределенные обобщения, и поблагодарить их я могу только в общих словах, однако моих Издателей я знаю и знаю тех благожелательных критиков, которые ободрили меня, как способны благородные и великодушные люди ободрить робкого новичка. И вот им — то есть моим Издателям и этим Критикам — я говорю от всей души: «Господа, сердечно вас благодарю!»

Признав таким образом свой долг тем, кто способствовал выходу моей книги в свет и одобрил ее, я обращусь к другим, чье число, насколько мне известно, невелико, но тем не менее не может быть оставлено без внимания, — к немногим боязливым или сварливо-придирчивым хулителям, кому направление таких книг, как «Джен Эйр», представляется сомнительным, в чьих глазах все необычное уже дурно, чей слух в любом обличении лицемерия — этого отца преступлений — различает оскорбление благочестия, сему заместнику Бога в земной юдоли. Таким недоверчивым судьям я хочу указать на некоторые неопровержимые различия, хочу напомнить им несколько простых истин.

Светские условности еще не нравственность. Ханжество еще не религия. Обличать ханжество еще не значит нападать на религию. Сорвать маску с лица Фарисея еще не значит поднять руку на Терновый Венец.

Все эти вещи и дела диаметрально противоположны, они столь же различны, как порок и добродетель. Люди слишком уж часто путают их, а путать их нельзя. Нельзя принимать внешность за суть. Нельзя допускать, чтобы узкие человеческие доктрины, служащие вознесению и восхвалению немногих, подменяли учение Христа, искупившее весь мир. Между ними, повторяю, есть различие, и четко обозначить широкую границу, их разделяющую, — поступок благой, а не дурной.

Свету может не нравиться разделение этих идей, поскольку он привык сливать их воедино и находит удобным выдавать внешнюю благопристойность за истинную добродетель — принимать побелку стен за чистоту святилища. Он может ненавидеть того, кто дерзает проверять и обличать, соскабливать позолоту и обнажать низкий металл под ней, вскрывать гроб повапленный и обнажать всем взорам прах внутри — но и ненавидя, он в долгу у такого смельчака.

Ахав не любил Михея, ибо тот не пророчествовал о нем доброго, а только худое. Возможно, угодливый сын Хенааны был ему много приятнее, однако Ахав мог бы избежать кровавой гибели, если бы отвратил слух свой от лести и открыл бы его правдивому совету.

Среди нас живет человек, чьи слова не предназначены для того, чтобы приятно щекотать нежные уши. Он, мне кажется, предстает перед великими мира сего, как некогда сын Иемлая предстал перед царем Израильским и царем Иудейским, сидевшими каждый на седалище своем, и провозглашает истину, столь же глубокую, с силой столь же пророческой и победной, с тем же бесстрашием и дерзновением. Вызывает ли сатирик «Ярмарки тщеславия» восхищение в высших сферах? Не знаю. Но полагаю, если бы некоторые из тех, на кого он обрушивает греческий огонь своих сарказмов, над чьими головами мечет свои перуны, вняли, пока не поздно, его предостережениям,

то сами они или семья их могли бы еще избежать Рамофа Галадского, этой роковой битвы.

Почему я называю этого человека? Я называю его, ибо вижу, что ум его гораздо более глубок и уникален, чем сознают современники; ибо почитаю в нем первого борца за очищение общества наших дней, главного мастера среди тех тружеников, кто стремится восстановить во всей чистоте извращенный порядок вещей; ибо считаю, что ни один критик его творений еще не нашел подходящего ему сравнения или слов, верно определяющих его талант. Говорят, что он подобен Филдингу, указывают на его остроумие, юмор, умение рассмешить. На Филдинга он похож, как орел — на стервятника: Филдинг снисходит до падали, но Теккерей — никогда. Остроумие его блистательно, юмор обаятелен, однако к серьезному его гению они имеют то же отношение, что летние зарницы — к смертоносной электрической вспышке, укрытой в глубинах грозовой тучи. И наконец, я называю мастера Теккерейя потому, что ему — если он примет такую дань уважения от неизвестного лица — я посвящаю это второе издание «Джен Эйр».

21 декабря 1847 года.

Каррер Белл

Глава I

Пойти гулять после обеда в тот день было никак нельзя. Утром мы около часа бродили по садовым дорожкам среди оголившихся кустов, но к обеду (миссис Рид, если не было гостей, обедала рано) ледяной зимний ветер нагнал такие хмурые тучи и захлестал таким дождем, что ни о каких прогулках и речи быть не могло.

А я обрадовалась. Долгие прогулки, особенно в сырые знобкие дни, мне никогда не нравились. И каким мучительным было возвращение домой в промозглых сумерках, когда пальцы на руках и ногах совсем немели, а сердце сжимала тоска из-за сердитого ворчания Бесси, няньки, и еще от сознания,

насколько я физически слабее, чем Элиза, Джон и Джорджиана Риды.

Теперь указанные Элиза, Джон и Джорджиана ласкались в гостиной к маменьке: она полулежала на кушетке у камина и, окруженная своими ангельчиками (в эту минуту они не ссорились и не плакали), выглядела безоблачно счастливой. Меня к их кружку она не подозвала, сказав, что сожалеет о необходимости держать меня поодаль, но, пока не услышит от Бесси и собственными глазами не убедится, насколько искренне и усердно я стараюсь обрести детскую общительность и приветливость, сделаться более милой и резвой, стать веселой, непосредственной — ну, словом, более естественной, — она вынуждена отказывать мне в тех удовольствиях, какие предназначены только для детей, всем довольных и счастливых.

— А что Бесси наговорила, будто я сделала?

— Джен, я не терплю хныканья и дерзких вопросов, к тому же ребенок, столь грубо говорящий о старших, поистине невыносим. Поди отсюда, посиди где-нибудь и помолчи, пока не научишься быть вежливой.

К гостиной примыкала малая столовая для завтраков, и я ускользнула туда. Там стоял книжный шкаф, и минуту спустя я уже держала в руке толстый том, в котором, как я предусмотрительно убедилась, было много картинок. Забравшись на диванчик в оконной нише, я поджала ноги потурецки, почти совсем задернула гардину из красного штофа и оказалась в убежище, укрытом почти со всех сторон.

Справа меня прятали алые складки гардины, слева прозрачные стекла служили мне защитой от унылого ноябрьского дня, не загораживая его. Время от времени, переворачивая страницу книги, я поглядывала в окно на открывавшийся за ним вид — вдали белесой пеленой висел туман, смыкаясь с тучами, вблизи долгие порывы стонущего ветра гнали нескончаемые дождевые струи над мокрой лужайкой и гнуцимися ветками деревьев и кустов.

Я вернулась к моей книге — «Истории британских птиц» Бьюика. Печатный текст меня, вообще говоря, интересовал

мало, однако некоторые страницы введения я, хотя и была еще совсем маленькой, не могла просто перелистнуть, не прочитав. Те, что посвящены местам обитания морских птиц, «пустынным скалистым островкам и обрывистым мысам», приюту лишь их одних, — побережью Норвегии, где таких островков и обрывов множество, от мыса Линнеснеса на юге и до Нордкапа на самом севере,

Где Северный вскипает Океан
Вокруг нагих унылых островов
Далекой Туле; где на грозные Гебриды
Гнев рушат атлантические волны¹.

Не могли не привлечь моего внимания и описания суровых, мрачных берегов Лапландии, Сибири, Шпицбергена, Новой Земли, Исландии, Гренландии — все эти «необъятные протяжения Арктической зоны, эти неисследованные области, гнетуще безлюдные, это вечное царство морозов и снегов, где крепкие ледяные поля, творение неисчислимых столетий зимы, окружают полюс, громоздя ледяные горы одну выше другой, и сосредоточивают в себе все угрозы лютых холодов». У меня сложился собственный образ этих мертвенно-белых царств: смутный, как все лишь полупонятные представления, что неясными тенями скользят в детском мозгу, но странно убедительный. Слова на страницах введения связывались с иллюстрациями книги и придавали особое значение одинокой скале среди валов, взметающих фонтаны брызг, разбитой лодке на пустынном берегу, холодной жуткой луне, поглядывающей сквозь разрывы туч на тонущий корабль.

Не могу выразить, какую меланхолию будило изображение заброшенного кладбища, надгробной плиты с чьим-то именем, калитки, двух деревьев, заслоняющей даль полуразрушенной ограды, узкого серпа восходящего месяца — указания на наступление ночи.

¹ Здесь и далее перевод стихов И. Гуровой.

Два судна, скованных штилем на зеркальной глади дремлющего океана, я сочла морскими призраками.

Страницу, на которой дьявол крепко держал вора за его суму, я тут же перевернула, холодея от ужаса.

Как и другую, где на вершине скалы сидел кто-то черный и рогатый, глядя на толпу вдалеке, окружающую виселицу.

Каждая картинка содержала какую-то историю, часто загадочную для моего неразвитого ума и детских чувств и все же необычайно интересную — не меньше рассказов Бесси в зимние вечера, когда она бывала в добром расположении духа и ставила свой столик для утюжки у камелька в детской. Разрешив нам усесться вокруг, она разглаживала кружевные рюши на платьях миссис Рид, плоила ее ночные чепцы и потчевала нас перипетиями любви и приключений, заимствованными из старинных сказок и еще более старинных баллад, а то и (как я поняла позднее) из «Памелы» или «Повести о Генри, графе Морленде».

С Бьюиком на коленях я была счастлива, то есть счастлива на свой лад. И боялась только одного: что мне помешают, как и произошло слишком скоро. Дверь отворилась.

— Ба! Госпожа Нюня! — раздался голос Джона Рида и тотчас умолк, так как комната оказалась пустой. — Куда, прах ее побери, она подевалась? — продолжал он. — Лиззи! Джорджи! — позвал он сестер. — Джоан тут нет! Скажите маменьке, что она убежала под дождь, дрянь этакая!

«Хорошо, что я задернула гардину», — подумала я, лихорадочно надеясь, что он не обнаружит мой тайник. И Джон Рид меня не нашел бы — он был туп и ненаблюдателен, но Элиза только заглянула в дверь и сразу сказала:

— Она за гардиной, Джек, где ей еще быть?

И я сразу вышла в комнату, дрожа при одной мысли, что упомянутый Джек вытащит меня оттуда насильно.

— Чего вам? — спросила я с неловкой робостью.

— Ну-ка скажи: «Что вам угодно, мастер Рид?» — последовал ответ. — А угодно мне, чтобы ты подошла сюда!

Он плюхнулся в кресло и жестом приказал, чтобы я встала перед ним. Джон Рид был четырнадцатилетним школьником

(на четыре года старше меня, так как мне было тогда всего десять), крупным и плотным для своего возраста, с землистой нездоровой кожей, грубыми чертами широкого лица, толстыми руками и большими ступнями. За столом он обжирался, и из-за постоянного несварения желудка глаза у него были мутными и тусклыми, а щеки дряблыми. Собственно, ему полагалось бы сейчас быть в школе, но маменька забрала его домой на месяц-два «по причине деликатного здоровья». Мистер Майлс, директор школы, объяснил, что Джон был бы совсем здоров, если бы ему из дома присылали поменьше бисквитов и сладостей, однако материнское сердце не приняло столь сурового суждения, склоняясь к более возвышенному убеждению, что дурной цвет лица Джона свидетельствует о чрезмерном прилежании, а возможно, и о том, что мальчик тоскует по дому.

Джон питал очень мало любви к матери и сестрам, а ко мне — живейшую антипатию. Он издевался надо мной и бил меня — и не два-три раза в неделю, не раз-другой на дню, но непрерывно: каждый мой нерв изнывал от страха перед ним, и все мое существо сжималось при его приближении. Бывали минуты, когда я совсем терялась от ужаса, который он мне внушал. Ведь у меня не было никакой защиты ни от его угроз, ни от перехода от слов к делу. Слуги не хотели идти наперекор молодому хозяину, вступившись за меня, а миссис Рид оставалась слепа и глуха: она не видела, как он меня бьет, не слышала, как он осыпает меня бранью, даже если он расправлялся со мной, не стесняясь ее присутствия. Правда, чаще это происходило у нее за спиной.

Привычно подчиняясь Джону, я подошла к его креслу. Примерно три минуты он потратил на то, что показывал мне язык, высовывая его настолько, насколько было возможно, не повредив корня. Я знала, что потом он меня ударит, и хотя очень боялась удара, думала о том, как отвратителен и уродлив тот, кто сейчас его нанесет. Возможно, он прочитал эти мысли по моему лицу, потому что внезапно без единого слова ударил меня так сильно, что я зашаталась, однако удержалась на ногах и попятилась.

Содержание

«Мужайся, Шарлотта, мужайся...» <i>М. Тугушева</i>	5
Джен Эйр <i>Перевод И. Гуровой</i>	19
Учитель <i>Перевод Н. Флейшман</i>	561
Эшворт <i>Перевод М. Тугушевой</i>	825
Ранние произведения <i>Перевод А. Вироховского</i>	877
<i>Часть I. Источники Англии</i>	879
<i>Часть II. Мэриан против Зенобии</i>	896
<i>Часть III. Мэри</i>	933
<i>Часть IV. Мина</i>	981
<i>Часть V. Элизабет</i>	1013

Літературно-художнє видання

БРОНТЕ Шарлотта
Джен Ейр. Учитель. Ешворт
(російською мовою)

Головний редактор *С. С. Скляр*
Відповідальний за випуск *К. В. Шаповалова*
Художній редактор *Н. В. Переходенко*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректори *І. В. Набока, К. В. Редьковська*

Підписано до друку 07.08.2012. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 57,12. Наклад 10 000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ВАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Енгельса, 11.
Свідоцтво ДК № 2891 від 04.07.2007 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

БРОНТЕ Шарлотта
Джен Эйр. Учитель. Эшворт

Главный редактор *С. С. Скляр*
Ответственный за выпуск *Е. В. Шаповалова*
Художественный редактор *Н. В. Переходенко*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректоры *И. В. Набока, Е. В. Редьковская*

Подписано в печать 07.08.2012. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 57,12. Тираж 10 000 экз. Зак. №

ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”»
308025, г. Белгород, ул. Сумская, 168

Отпечатано в ОАО «Харьковская книжная фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Энгельса, 11
Свидетельство ДК № 2891 от 04.07.2007 г.
www.globus-book.com

Издательство Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
www.trade.bookclub.ua

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ КНИГАМИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА

Бертельсманн Медиа Москау АО

129110, г. Москва, пр. Мира, 68, стр. 1-А
тел. +7 (495) 688-52-29
+7 (495) 984-35-23
e-mail: office@bmm.ru
www.bmm.ru

ХАРЬКОВ

ДП с иностранными инвестициями

**«Книжный Клуб
«Клуб Семейного Досуга»»**
61140, г. Харьков-140, пр. Гагарина, 20-А
тел/факс +38 (057) 703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

КИЕВ

ЧП «Букс Медиа Тойс»

04655, г. Киев, пр. Московский, 10-Б, оф. 33
тел. +38 (044) 351-14-39,
+38 (067) 572-63-34,
e-mail: booksmt@rambler.ua

ЗАПОРОЖЬЕ

ФЛП Савчук Ю.Д.

69057, г. Запорожье, ул. Седова, 18
тел. +38 (050) 347-05-68
e-mail: vega_center@i.ua

ДОНЕЦК

ООО «ИКЦ «Кредо»»

83096, г. Донецк, ул. Куйбышева, 131-Г
тел. +38 (062) 345-63-08, +38 (062) 348-37-92,
+38 (062) 348-37-86
e-mail: fenix@kredo.net.ua
www.kredo.net.ua

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

УКРАИНА

служба работы с клиентами:

тел. +38 (057) 783-88-88
e-mail: support@bookclub.ua
Интернет-магазин: www.bookclub.ua
«Книжный клуб», а/я 84, Харьков, 61001

РОССИЯ

служба работы с клиентами:

тел. +7 (4722) 22-25-25
e-mail: order@flc-bookclub.ru
Интернет-магазин: www.ksdbook.ru
«Книжный клуб», а/я 4, Белгород, 308961

До книги ввійшли вибрані твори Шарлотти Бронте — від ранніх повістей і першого роману «Учитель» до знаменитої «Джен Эйр». Молодий учитель, до нестями закоханий у найскромнішу зі своїх учениць... Сирота гувернантка та хазяїн маєтку, яких розлучає його минуле... Ці сюжети стали класичними для світової літератури.

Бронте Ш.

Б88 Джен Эйр. Учитель. Эшворт / Шарлотта Бронте ; пер. с англ. И. Г. Гуровой, Н. П. Флейшман, М. П. Тугушевой, А. Вироховского ; предисл. М. П. Тугушевой ; худож. Н. Лях. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», 2012. — 1088 с.

ISBN 978-966-14-3870-4 (Украина)

ISBN 978-5-9910-2070-1 (Россия)

В книгу вошли избранные произведения Шарлотты Бронте — от ранних повестей и первого романа «Учитель» до знаменитой «Джен Эйр». Молодой учитель, без памяти влюбленный в самую скромную из своих учениц... Сирота гувернантка и хозяин поместья, которых разлучает его прошлое... Эти сюжеты стали классическими для мировой литературы.

УДК 821.111
ББК 84.4ВЕЛ